

Глава 8

12-го ноября кутузовская боевая армия, стоявшая около Ольмюца, готовилась к смотру двух императоров – русского и австрийского. Смотр был назначен на завтра, когда должны были подойти свежие войска из России.

С раннего утра начались напряженные хлопоты и усилия, и в 10 часов всё пришло в требуемый порядок. На огромном поле стали ряды. Союзная австро-русская армия была вытянута в три линии. Спереди кавалерия, сзади артиллерия, еще сзади пехота.

Как ветер по листьям пронесся взволнованный шепот: «Едут! Едут!» Послышался один голос: «Смирно!» Потом, как петухи на заре, повторились голоса в разных концах. И всё затихло. В мертвой тишине слышался только топот лошадей. То была свита императоров.

Николай Ростов стоял в первых рядах Кутузовской армии, и именно к ней к первой подъехал государь. Когда государь приблизился на расстояние 20-ти шагов и Николай ясно, до всех подробностей, рассмотрел прекрасное, молодое и счастливое лицо императора, он испытал чувство нежности и восторга, подобного которому он еще не испытывал. Всё – всякая черта, всякое движение – казалось ему прелестно в государе.

«Боже мой! Что бы со мной было, если бы ко мне обратился государь, – думал он, – я бы умер от счастья».

Когда смотр кончился, офицеры стали сходитья группами и начались разговоры о наградах, об австрийцах и их мундирах, об их фронте, о Бонапарте и о том, как ему плохо придется теперь. Но более всего говорили о государе Александре, передавали каждое его слово, движение и восторгались им. Все желали одного: под предводительством государя скорее идти против неприятеля. Все были уверены в победе.

В один из следующих дней состоится военный совет, на котором участвовали оба императора. Было решено немедленно наступать

Kapitola 8

Dne 12. listopadu se Kutuzova válečná armáda, která stála u Oloouce, připravovala na přehlídku pro dva vladaře – ruského a rakouského. Přehlídka byla stanovena na následující den, kdy měla přijít nová vojska z Ruska.

Od samého rána začal chaos a vypětí, až v 10 hodin vše přešlo do požadovaného pořádku. Na rozlehlém poli stály šiky. Spojenecká rakousko-ruská armáda byla roztažena do tří linií. Vepředu stálo jezdecktvo, za ním dělostřelectvo, ještě dále pěchota.

Rozrušený šepot prolétl listím jako vítr: „Jedou! Jedou!“ Zazněl jeden hlas: „Pozor!“ Potom se jako kohouti při svítání opakovaly hlasy z různých konců. A vše utichlo. V mrtvolném tichu bylo slyšet jen dusot koní. To byla svita panovníků.

Nikolaj Rostov stál v první řadě Kutuzovovy armády a právě k ní jako k první panovník přijel. Když se vladař přiblížil na vzdálenost dvaceti kroků, Nikolaj viděl jasně do všech detailů půvabnou mladou a šťastnou panovnickovu tvář, zakoušel pocit něhy a nadšení, takový, jaký ještě nezažil. Všechno, každý rys, každý panovníkův pohyb se mu zdál nádherný.

„Bože můj! Co by se se mnou stalo, kdyby se na mě panovník otočil,“ přemýšlel, „umřel bych štěstím.“

Když přehlídka skončila, důstojníci se seskupili do skupinek a začali mluvit o oceněních, o Rakušanech a jejich uniformách, o jejich bojových liniích, o Bonapartovi i o tom, jak se mu teď špatně daří, nejvíce se ale mluvilo o caru Alexandrovi, přednášeli každé jeho slovo, pohyb a byli jím nadšeni. Všichni si přáli jen jedno, pod vedením panovníka jít rychleji proti nepříteli. Všichni byli přesvědčeni o vítězství.

V jednom z následujících dní se konala vojenská rada, které se účastnili oba panovníci. Bylo rozhodnuto neprodleně zaútočit a svést

и дать генеральное сражение Бонапарту. Все выгоды были на нашей стороне. Огромные силы, превосходившие силы Наполеона; войска были одушевлены присутствием императоров и рвались в дело; до малейших подробностей была известна и передана на картах местность, и Бонапарт, видимо, ослабленный, ничего не предпринимал. Против наступления был только Кутузов, который предлагал выждать.

Когда Кутузов вместе с Андреем Болконским возвращались от императоров, Андрей спросил полководца, что он думает о завтрашнем сражении. Кутузов строго посмотрел на своего адъютанта и ответил:

– Я думаю, что сражение будет проиграно, я так и просил передать государю. И что же мне ответили? «Любезный генерал! Я занят рисом и котлетами, а вы занимайтесь военными делами». Да... Вот что мне отвечали!

Ночь перед сражением была туманная. «Да, очень может быть, завтра меня убьют», думал Болконский. Он вспоминал последнее прощание с отцом и женою, вспомнил о ее беременности, и ему стало жалко и ее, и себя.

«Да, завтра, может быть, всё будет кончено для меня, всех этих воспоминаний не будет более. – думал он. – Завтра, я это предчувствую, в первый раз мне придется, наконец, показать всё то, что я могу сделать. Я никогда никому не скажу этого, но, Боже мой! что же мне делать, если я ничего не люблю так, как славу. Смерть, раны, потеря семьи – ничто мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне многие люди – отец, сестра, жена, – я всех их отдам сейчас за минуту славы, за любовь к себе людей, которых я не знаю и не буду знать».

s Bonapartem rozhodující bitvu. Všechny výhody byly na rusko-rakouské straně. Byly zde obrovské síly, které převyšovaly síly Napoleona, vojska byla oživena přítomností císařů a vrhala se do práce, do nejmenších podrobností bylo známo a do map přeneseno území. A Bonaparte, viditelně oslabený, nic nepodnikal. Proti útoku byl jen Kutuzov, jenž navrhoval vyčkat.

Když se Kutuzov společně s Andrejem Bolkonským vraceli od panovníků, Andrej se zeptal velitele, co si myslí o zítřejší bitvě. Kutuzov se přísně podíval na svého pobočníka a odpověděl:

„Myslím si, že bitva bude prohrána, tak jsem to také žádal vzkázat panovníkovi. A co mně odpověděl? ‚Drahý generále! Jsem zaměstnán rýží a masem a vy se zabývejte vojenskými záležitostmi.‘ Ano... Tohle mně odpověděl!“

Noc před bitvou byla mlhavá. „Ano, je dost možné, že mě zítra zabijí,“ přemýšlel Bolkonskij. Vzpomněl si na poslední loučení s otcem a manželkou, vzpomněl si na její těhotenství a začalo mu být líto jí i sebe.

„Ano, zítra možná všechno pro mě skončí, všech těch vzpomínek už nebude víc.“ Přemýšlel. „Mám tušení, že zítra nakonec budu moci poprvé ukázat všechno to, co mohu udělat. Nikdy to nikomu neřeknu, ale, Bože můj! Co mám dělat, když nemiluji nic tolik jako slávu. Smrt, zranění, ztráta rodiny, nic není pro mě tak hrozné. Bez ohledu na to, jak mi jsou drazí a milí někteří lidé: otec, sestra, žena, všechny je teď dám za minutu slávy, za to, aby mě lidé, které neznám a ani znát nebudu, milovali.“